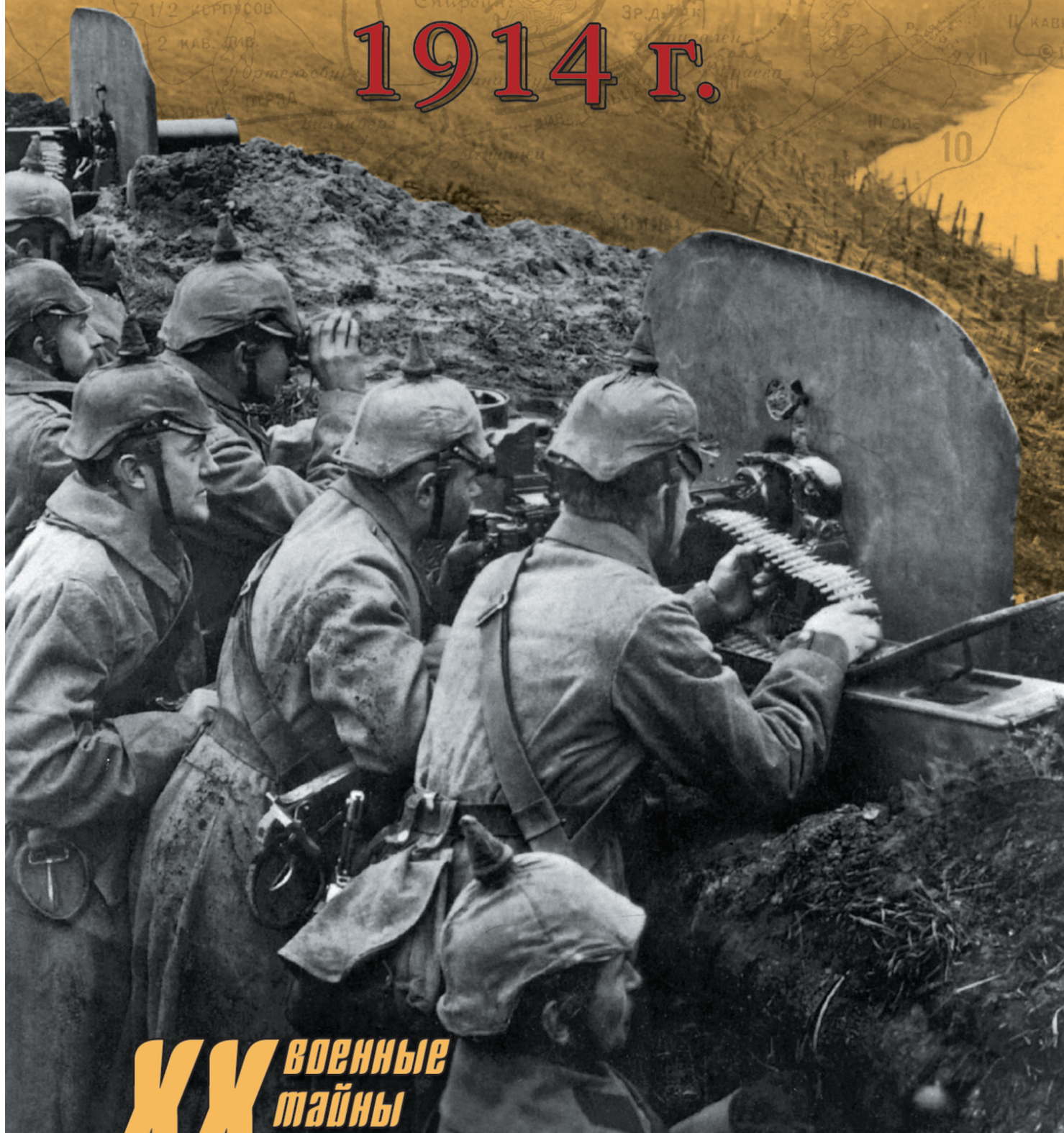

КРАХ

«ПЛАН ШЛИФФЕНА»

1914 г.

XX военные
тайны
века

М.В. ОСЬКИН

Военные тайны XX века

Максим Оськин

Крах плана Шлиффена. 1914 г.

«ВЕЧЕ»

2019

Оськин М. В.

Крах плана Шлиффена. 1914 г. / М. В. Оськин — «ВЕЧЕ»,
2019 — (Военные тайны XX века)

ISBN 978-5-4484-8311-0

Планируя Первую мировую войну, германские милитаристы делали ставку на блицкриг – молниеносную войну. Быстрый разгром континентальных противников – Франции и России – предполагал и означал выигрыш войны. Непосредственным выражением идеи блицкрига в собственно военном отношении стал так называемый «План Шлиффена», составленный в германском Большом Генеральном штабе и принятый политическим руководством Германии. Всего за шесть недель немцы в союзе с австро-венграми намеревались разгромить и вывести из войны Францию, после чего обрушиться всеми силами на Россию и, следовательно, одержать победу в конфликте, не допуская его длительного разрастания. Новая книга М.В. Оськина рассказывает о том, как русская армия в 1914 г. сорвала немецкие планы и не допустила разгрома Франции.

ISBN 978-5-4484-8311-0

© Оськин М. В., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Введение	6
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Максим Оськин

Крах плана Шлиффена. 1914 г

© Оськин М.В., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Введение

Большая Европейская война, подготовлявшаяся великими державами Европы на протяжении более чем трех десятилетий (точкой отсчета здесь служит не столько 1871 год, сколько Берлинский конгресс 1878 г. и австро-прусский союз 1879 г.), в августе 1914 года вылилась в Первую мировую войну, называемую современниками Великой войной. Ту войну, что с ожесточением велась в Европе, Азии и Африке, а также на обширных акваториях всех четырех океанов планеты, миллионными армиями. Ту войну, что впервые все противоборствующие стороны вели не столько в качестве государств, сколько в качестве наций, столкнувшихся друг с другом в борьбе за передел мира.

С самого начала конфликта в нем участвовала и Российская империя. Русский меч в ходе войны лежал тяжелым грузом на весах мирового противостояния, в момент наивысшего напряжения 1915–1916 гг. отвлекая на себя половину всех сил противников, в то время как союзники России (Великобритания, Франция, Италия, Бельгия, Сербия, Румыния и проч.) сражались с другой половиной. Сочетание блестящих побед с тяжелыми поражениями, высококомандованных наступательных действий с унылым окопным сидением, громадных потерь с обеих сторон – все это характеризует войну именно на Восточном (Русском) фронте, в отличие от Западного (Французского) фронта, с ноября 1914 по весну 1918 г. застывшего в статике окопной борьбы. Именно поэтому вклад Российской империи в общую победу неоценим.

Планируя войну, германские милитаристы сделали ставку на блицкриг – молниеносную войну, – превосходно сознавая, что в затяжной борьбе на два фронта со всем миром у них нет шансов. Разгром континентальных противников – Франции и России – по очереди предполагал и означал выигрыш войны. Непосредственным выражением идеи блицкрига в собственно военном отношении стал так называемый «План Шлиффена», составленный в германском Большом Генеральном штабе и принятый политическим руководством Германии на вооружение в качестве того средства, что выиграет войну. Занимая пост начальника Большого Генерального штаба в 1891–1905 гг., граф А. фон Шлиффен всю свою работу на этой должности подчинил примату главной задачи – выработке победоносного плана для Германии в Большой Европейской войне. В итоге «ежегодно план Шлиффена подвергался тщательному пересмотру с учетом поступающих разведывательных данных относительно изменений в ресурсах противников Германии и самой империи. Однако с момента написания в 1893 г. и до момента боевого применения в 1914 г. основополагающая идея оставалась неизменной»¹. Всего за шесть недель немцы, в союзе с австро-венграми, намеревались разгромить и вывести из войны Францию, после чего обрушиться всеми силами на Россию и, следовательно, одержать победу в конфликте, не допуская его длительного разрастания.

В августе 1914 г. «План Шлиффена», в довольно измененном и скорректированном в негативную сторону виде, был применен на практике. Негативизм сказался в таком исправлении «Плана», которое сужало возможности веера вариативности для непосредственных исполнителей. В тот момент, когда весы противостояния заколебались на Западном (Французском) фронте, определяя, кому быть гегемоном на Европейском континенте на несколько десятилетий вперед, решающий удар по германскому планированию был нанесен на Востоке. Стремительное вторжение русских армий в цитадель германской государственности и милитаризма – Восточную Пруссию – вынудило германское военно-политическое руководство еще до достижения победы над Францией приступить к переброскам своих войск на Восточный (Русский) фронт. Поражения вооруженных сил Австро-Венгрии в Галиции вынудили немцев усиливать свою группировку на Востоке, а спустя всего полгода с начала войны и вовсе перенести глав-

¹ Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. М., 2008. С. 352.

ные усилия на Русский фронт. Тем самым идея блицкрига, заложенная в основание ведения широкомасштабной войны на два фронта, потерпела крах практически уже в самом начале своего осуществления.

Срыв «Плана Шлиффена», ставший следствием отчаянного мужества бельгийцев, несокрушимого упорства англичан, непреклонной твердости французов и союзнической верности русских, сломал планы немцев на достижение победы в Первой мировой войне. Агония сопротивления германского блока, унесшая миллионы жизней и перекроившая политическую карту Европы, да и всего мира, затянулась еще более чем на четыре года. Однако война была проиграна в первый же месяц войны: крах германского блицкрига произошел в короткие сроки – в августе 1914 года. Этот месяц стал прологом к затянувшейся на четыре с половиной года войне. Той войне, что послужила началом мирового противостояния XX столетия по всей планете.

Глава 1

Планирование блицкрига

Теоретическая база «молниеносной войны»

Итог развития военно-теоретической мысли конца XIX – начала XX века на первый взгляд оказался неожиданным. В военных кругах (прежде всего – в Генеральных штабах) всех великих держав – стран Европы утверждается идея быстротечной войны. Имеется в виду Большая Европейская война между великими державами, разделившимися еще в конце XIX столетия на военно-политические блоки, противостоящие друг другу. Таким образом, в отношении той войны, что должна была решить вопрос о европейской гегемонии, результаты ее должны были стать определяющими в пользу той или иной из сторон в самые кратчайшие сроки – от 6 до 8 месяцев.

Воевать более года, чтобы сокрушить всех своих соперников на континенте, никто не предполагал. Все противостоящие стороны намеревались провести быстротечную кампанию одним-двумя решительными сражениями, представлявшими из себя, по сути, широкомасштабные стратегические операции максимумом сил и средств. Этого считалось достаточно для достижения решительной победы в столь короткие сроки. Как говорил начальник германского Генерального штаба граф А. фон Шлиффен, разработавший наиболее целостный и последовательный план военных операций блицкрига (молниеносной войны), война должна быть закончена «не позднее осеннего листопада».

Следовательно, уже первые операции должны были иметь содержание генерального сражения (или нескольких генеральных сражений), в которых должны были выказать себя на полную мощь военные машины противостоявших друг другу государств. Неудивительно, что блицкриг стал выражением военной мысли именно Германии – противопоставившей себя всему миру и оттого заметно уступавшей своим противникам в общем ресурсном потенциале.

Во многом «План Шлиффена» отталкивался от неприятия пророческого выступления в германском рейхстаге в 1890 г. создателя германской военной машины фельдмаршала Х. Мольтке, который утверждал, что «в борьбу друг с другом вступят величайшие государства Европы, вооруженные как никогда. Ни одно из них в течение одной или двух кампаний не может быть сокрушено так, чтобы оно признало себя побежденным, чтобы оно вынуждено было заключить мир на суровых условиях, чтобы оно не могло вновь подняться и хотя бы даже через годичный срок опять возобновить борьбу. Это, может быть, будет семилетняя, а может быть, и тридцатилетняя война». Вести войну против всего мира в течение нескольких лет Германия не могла, и потому новый начальник Большого Генерального штаба Шлиффен и делает ставку на блицкриг.

После первых выстрелов офицеры и солдаты кадровых армий всех стран-участников мирового конфликта ненадолго прощались со своими родными, намереваясь вернуться домой в самом скором времени. А наиболее пылкая молодежь вообще боялась не успеть побывать на фронте, так как победоносное окончание войны подразумевалось очень и очень скорым. При чем такой взгляд был характерен для всех стран Европы. Как впоследствии вспоминал офицер 13-го Лейб-Гренадерского Эриванского полка, при разговорах офицеров, следующих с эшелонам на фронт в августе 1914 г., о наградах, «я молча, глубоко затаив мысль во что бы то ни стало получить хотя бы Анну 4-й степени в первом же бою. Ибо на большее количество боев рассчитывать не приходилось, так как по моим выкладкам война должна была кончиться в

Берлине примерно через два месяца. Я даже несколько раз прикладывал масштабную линейку, измеряя расстояние до Берлина, и пытался перевести его на количество переходов»².

К. Попову вторит, например, и М.Д. Бонч-Бруевич: «Уверенность в непродолжительности войны, которая, как полагали все окружающие, не могла продлиться больше 4 месяцев, была такова, что я, подобно другим офицерам, даже не взял с собой теплых вещей. Да и обжитая уже командирская квартира моя в Чернигове была мной покинута так, словно я уезжал в краткосрочную командировку»³. Интересно, что подобная же эйфория царила и среди русского офицерства и в начале Русско-японской войны 1904–1905 гг. Тогда также «многие офицеры частей, не подлежавших мобилизации, в первые же дни войны с Японией подали рапорты об отправлении на театр военных действий и всерьез опасались “не успеть” на эту войну»⁴. Горький урок не научил ни рядовых офицеров, ни руководителей русской военной машины.

Причины такого во многом парадоксального обстоятельства коренились в самой внутренней логике развития империализма, подразумевавшего радикальные и быстрые средства разрешения назревших проблем непременно насильственным путем. Принципы «блицкрига», «молниеносной войны», получив свое распространение в Европе, переместились и вовне, а ход и исход первых войн – Англо-бурской 1899–1902 гг., и Русско-японской 1904–1905 гг., казалось, только убеждали в этом: следовало лишь соблюсти принцип максимального сосредоточения наличных сил и средств на театре военных действий сразу же по объявлении войны. То есть победа в войне ставилась в зависимость от мобилизационных мероприятий и силы первого удара. Легкомысленное отношение к той войне, которой впервые предстояло стать тотальной, «наблюдалось во всех воюющих коалициях. Не случайно победа связывалась с обладанием тех или иных сценариев блицкрига, предполагавшего, в свою очередь, быстроту мобилизации»⁵. Длительная война, как это сознавалось всеми, могла раньше времени разрушить Европу, поэтому в своих теоретических выкладках ни один из соперников в борьбе за европейскую гегемонию не шел дальше годичной войны.

Подача желаемого в качестве действительного подкреплялась и учеными теоретическими соображениями. Экономисты (в том числе и известный И. Блюх) пришли к выводу о невозможности ведения длительной войны в современных экономических условиях. Эти выводы опирались на изучение мировой финансовой системы в связи с национальными финансами ведущих государств Европы. В итоге широкое распространение получали теории так называемой «боевой финансовой готовности». Громадные траты, предусматриваемые Большой Европейской войной в случае своего развязывания, по мнению этих экономистов, не смогли бы долгое время испытывать напряжение национальных хозяйств даже и великих держав. Соответственно, война как таковая должна была бы завершиться довольно быстро, в противном случае, воевать было бы уже нечем, да и ни к чему.

Предполагалось, что для ведения длительной войны в Европе просто не хватит материальных ресурсов. Идея «хозяйственного банкротства» взаимозависимых в экономическом отношении друг от друга европейских стран также играла в пользу выводов о неизбежности скоротечной войны. Используя эмпирическое знание, теоретики будущей войны ссылались на опыт Франко-прусской 1870–1871 гг. и Русско-японской 1904–1905 гг., длившихся в целом не более полутора лет. При этом, как полагалось, технический прогресс в сравнении с 1870 г. и непосредственная близость театров военных действий к воюющим сторонам, в сравнении с 1904 г., должны были всемерно снизить временные сроки предстоящего конфликта внутри Европейского континента. Наконец, осознание общеевропейского единства считалось доста-

² Попов К. Воспоминания кавказского гренадера. 1914–1920. Белград, 1925. С. 12.

³ Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. Воспоминания. М., 1957. С. 16.

⁴ Ганин А.В. Оренбургские казаки в Русско-японской войне // Русско-японская война 1904–1905. Взгляд через столетие. М., 2004. С. 260.

⁵ Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 21.

точно веским фактором для того, чтобы вести затяжную войну, способную ослабить зависимость Азии и Африки от европейских метрополий.

Вслед за экономистами ту же самую точку зрения проповедовали и военные круги. Приоритет здесь, вне всякого сомнения, принадлежал германцам, ибо совокупный экономический потенциал стран Антанты превышал потенциал держав Тройственного союза, а потому любое затягивание войны, прежде всего, было выгодно Антанте. Следовательно, война должна была быть короткой, еще до введения в действие военно-экономического потенциала государств антигерманской коалиции, дабы по максимуму, до полной победы использовать германское превосходство в организации и накопленного к началу военных действий материального ресурса.

Исходя из соображений Блюха и его европейских коллег (например, работа англичанина Н. Энджела «Великое заблуждение»), а также профессора Николаевской академии Генерального штаба А.А. Гулевича, и многих других ученых-экономистов (например, М.И. Боголепова), положение Российской империи в случае Большой Европейской войны в теории представлялось более выгодным, нежели прочих государств Европы – как союзников, так и противников. Во-первых, вследствие громадных русских пространств, способных растворить в себе практически любые по численности армии завоевателей. Во-вторых, ввиду продовольственной самодостаточности России, заваливавшей перед войной всю Европу дешевым хлебом. Продовольственная автаркия представлялась чуть ли не панацеей для успеха во всеевропейском конфликте. В-третьих, в связи с чрезвычайной культурностью европейской инфраструктуры (дорожные коммуникации), якобы более подверженной разрухе в ходе затяжной войны, нежели русское бездорожье. Той самой инфраструктуры, от которой в решающей степени зависели боевые действия современных армий.

Работы Гулевича и Блюха увидели свет в то время, когда в России господствовала оборонительная концепция ведения войны с Германией и Австро-Венгрией, но к 1914 г. русские были настроены в сторону решительного наступления, чтобы кончить войну в короткие сроки. Предполагаемые в конце XIX столетия преимущества России превращались в ее недостатки в плане ведения наступательной войны в Европе. Кроме того, в расчет не принимался вопрос развития европейской индустрии (считалось, что русская человеческая масса сумеет компенсировать и преодолеть данный фактор), а также связь государств Европы с остальным миром (рынки Азии, Америки, Африки были открыты для того, кто имел могущественный торговый и военный флот).

Следовательно, на предположения о том, что Большая Европейская война не сможет продлиться долго, ввиду исчерпания своих экономических возможностей, в большей степени базировались на признании кратковременных и яростных боевых действий в качестве той парадигмы, что не позволит воюющим сторонам разрушить Европу прежде, чем одна из сторон одержит победу в войне. То есть, помимо экономических выкладок, существовали и чисто военные предположения, выдвигаемые творцами оперативно-стратегического планирования военных действий – Генеральными штабами европейских государств, в начале XX века активно готовившихся к войне за передел мира и гегемонии в Старом Свете. В этом вопросе, вне сомнения, лидировала Германия, чья военно-научная мощь после фельдмаршала Х. Мольтке-Старшего не подлежала никакому сомнению. Именно немцы, разрабатывая свой план войны, вольно или невольно подчиняли своему интеллекту военно-теоретическую мысль прочих стран.

Ясно, что немцы первыми должны были прийти к мысли блицкрига – молниеносной войны. В сложившейся расстановке шахматных фигур на доске европейской геополитики Германия не имела никаких шансов победить в затянувшейся войне. Австро-итало-германскому военному блоку (Тройственный союз 1882 г.), противостоящему франко-русскому союзу вкупе с примкнувшей к ним Великобританией (Антанта), не приходилось рассчитывать на успех в

экономическом противостоянии со своими соперниками. Французский реваншизм и людская мощь России, британский флот, многочисленные английские колонии, стоявший за спиной англичан американский экономический гигант – все это, рано или поздно, должно было вступить в смертельную борьбу с Германией, буде она осмелилась бы бросить вызов всему остальному миру.

Война, если немцы желали в ней победить, должна была быть быстрой, чтобы Германия смогла использовать свою чисто военную мощь для сокрушения соперников. Однако вести наступательную войну одновременно на два фронта – и против Франции, и против Российской империи – австро-германцы не могли. Следовало бить врагов по очереди. Германский автор справедливо говорит, что немецкая военная доктрина перед Первой мировой войной «объяснялась поисками выхода из объективно неблагоприятного стратегического положения империалистической Германии. Ибо, хотя рейх и создал мощную и боеспособную армию, руководимую опытными в военном деле организаторами, но далеко уступал во всех отношениях коалиции своих вероятных противников»⁶.

Видя успехи экономической сферы, политическое руководство Второго рейха делает ставку на передел мира и, следовательно, милитаризацию страны во всех областях общественной жизни. Этой цели подчиняется жизнь социума и страны. Таким образом, «огромные успехи, достигнутые Германией в войнах 1864–1871 гг., консолидировавшие ее в новую Империю, открывающиеся перспективы новой стратегии – войны широкими фронтами и со стремительной переброской армий по железным дорогам, закипание французского реваншизма, гонка вооружений, планы мобилизации [Шлиффена], предполагающие двинуть в бой от 8 до 14 % населения – все выдает восходящую милитаристскую тенденцию, прямо ведущую к большой войне, неизбежность которой в конце 1880-х уже очевидна столь разным людям, как Мольтке-Старший и Энгельс»⁷.

Победа в Большой Европейской войне должна была быть достигнута посредством попеременных ударов и на Западе и на Востоке, дабы истощить противников качественной мощью немецких армий и принудить их к выгодному для Германии миру. При этом силы и средства должны были концентрироваться на одном из фронтов, чтобы разгромить одного из континентальных противников прежде, чем другой противник одержит решительную победу на другом фронте. На факте «окружения» Германии русскими и французами строили свои планы начальники германского Большого Генерального штаба фельдмаршалы Мольтке и Вальдерзее.

Если в свое время Мольтке-Старший мог позволить себе составлять оборонительные планы на два фронта, в расчете на истощение неприятеля, то в начале XX века присоединение Великобритании к противникам Германии ставило ресурсы всего мира на службу того, кто жаждал противостоять тевтонскому напору. Бескрайние русские просторы не позволяли надеяться на окончательную победу даже в случае разгрома русских армий в генеральном сражении на пограничной территории. Поэтому первый удар германского меча должен был последовать по Франции, чтобы вывести ее из войны, и, оставив на континенте свободный от угрозы тыл, обрушиться всеми силами и на Востоке, против русских. И именно поэтому преемник Вальдерзее граф Шлиффен постарался до предела заострить меч, предназначенный для сокрушительного удара на Западном фронте.

Конечно, разработка планирования удара на Западе началась даже не при Мольтке-Старшем. Гений всегда видит очевидное, а геополитический расклад сил в Европе уже в XIX столетии сложился как франко-германское противостояние. В 1828–1830 гг. К. фон Клаузевиц составляет четыре плана войны с Францией, которую для Германии он считал неизбежной. Наиболее детализированным явился мемуар под заглавием «О войне с Францией», написан-

⁶ Руге В. Гинденбург: Портрет германского милитариста. М., 1982. С. 36–37.

⁷ Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М., 2007. С. 91.

ный в августе 1830 г. Выдающийся русский военный ученый А.Е. Снесарев так характеризует творчество немецкого теоретика: «Он интересен не только полнотой и выдержанностью своего оперативного стиля, отчетливостью мысли и авторитетностью тона, он интересен, как камень в голову угла для сложного здания последующих в течение многих десятилетий работ прусского Генерального штаба. Внимательное изучение последующих работ этого штаба, вплоть до последнего плана перед Мировой войной, вскроет всюду как основное ядро следы творчества «наставника немецкой армии»⁸.

Нельзя не сказать о том, что подоплека переноса решительного удара на Запад была вызвана и объективными причинами. Русские и французы, опасаясь немецкого напора, старались укрепить свои границы фортификационными сооружениями. Восточная граница Франции была застроена крепостными районами, прикрывающими особо важные направления, которые оказались оголенными после перехода в 1871 г. в руки немцев крепости Мец. Открытой оставалась франко-бельгийская граница, так как бельгийский нейтралитет был гарантирован всеми великими державами Европы, включая и Германию.

В свою очередь, русские постарались прикрыть линию реки Нарев, куда в 90-х годах намеревался бить Мольтке, дабы окружить и уничтожить главную массу русских войск в «Польском выступе» – выдававшейся вглубь территории врагов русской Польши. Мощные фортификационные сооружения должны были остановить натиск австро-германцев, пожелай они покончить с Российской империей в кратчайшие сроки. Помимо крепостей Новогеоргиевск (первоклассная) и Осовец (форт-застава), относительно приведенных в порядок, в данном районе предполагалось возвести крепостные районы в городах Ковно и Гродно. Таким образом, крепостным поясом опоясывался весь русский Передовой театр, и под прикрытием этого пояса русские имели возможность отмотилизовать и сосредоточить свои многочисленные армии, дабы не допустить разгрома своих армий по частям высокомобильной германской военной машиной. Эта система крепостей, в сочетании с действиями полевых войск, должна была сорвать немецкий замысел по выходу в тыл русской Польше. Как говорит немецкий автор, «район реки Нарев, где по замыслу Мольтке, следовало нанести главный удар, оказался закрыт»⁹.

Вдобавок русское военное ведомство искусственно привело район севернее Нарева в «запустение», отказавшись здесь от развития инфраструктуры. Плохенькая грунтовая дорога и слабая железнодорожная ветка до Млавы – вот и все, на что смогли бы рассчитывать немцы, буде они вздумали бы наступать на Нареве, чтобы выйти в тыл всей русской группировке в Польше. Этого было мало для широкомасштабной операции, и германский Генеральный штаб кардинальным образом переделывает план войны, отдав приоритет первого всепокрушающего удара Западному фронту.

В любом случае германское военное планирование было жестко запрограммированным: решительное и быстрое наступление на Западе наряду с жесткой обороной на Востоке до того момента, как будет одержана победа на направлении главного удара тевтонского меча – во Франции. Поэтому Шлиффен посвятил всю свою деятельность на этом посту подготовке молниеносной войны против Франции, справедливо полагая, что после разгрома французов русские не устоят перед австро-германской мощью. Как справедливо отметил по этому поводу предвоенный начальник оперативного отделения германского Генерального штаба и выдающийся военачальник Первой мировой войны Э. Людендорф, «быстрая победа была необходима, чтобы иметь возможность своевременно предотвратить большую опасность русского вторжения в сердце Германии. Наступление на Россию и оборона на Западе при существую-

⁸ Снесарев А.Е. Жизнь и труды Клаузевица. М., 2007. С. 169.

⁹ Герлиц В. Германский Генеральный штаб. История и структура. 1657–1945. М., 2005. С. 132.

щей обстановке заранее означали бы, как показали многочисленные военные учения, затяжную войну, и были ввиду этого забракованы генералом графом фон Шлиффеном»¹⁰.

Блицкриг, как способ ведения военных действий, логично предполагает генеральное сражение главными группировками сил противостоящих сторон. Именно в таком сражении должна была бы решаться судьба войны. Именно от его исхода зависела судьба окончательной победы. Как видим, немцы вынужденно вернулись к мыслям Наполеона Бонапарта, который, также будучи ограничен в своих ресурсах, и будучи вынужден вести борьбу против коалиций европейских монархий, в свое время ставил судьбу войны в зависимость от исхода генерального сражения.

Ясно, что, чем раньше произошло бы такое сражение, тем лучше было бы для германской стороны, вынужденной наступать на одном фронте, и одновременно обороняться на другом. Поэтому следовало использовать для первого и решающего удара всю массу собственных сил, почему наступление с самыми решительными целями только одно и могло стать путеводной звездой для германской стратегии и германского оружия именно в тех сложившихся условиях. Тем более верной эта стратегия представлялась для агрессивной стороны, каковой и являлась Германия, чье военно-политическое руководство не желало упустить наиболее выгодного момента для рывка к европейской гегемонии. Отечественный ученый так характеризует германское планирование Большой Европейской войны XX столетия ведением борьбы на два фронта: «...При таком образе действий альфой и омегой победоносного исхода войны германские стратеги считали *быстроту сокрушения противника, против которого будет направлен первый удар*. Отсюда вытекали принципы скоротечной, “молниеносной” войны... Принципами “скоротечной войны” определялись распределение сил между Западным и Восточным фронтами, соотношение сил между правым и левым крылом Западного фронта немцев, а также способы ведения наступления. Первостепенное значение при этом германские милитаристы придавали упреждению противника в стратегическом сосредоточении и развертывании, достижению внезапности на направлении главного удара, проведению генерального сражения с решительными целями, организации непрерывного наступления с задачей занятия Парижа и других важнейших центров Франции, чтобы полностью и в кратчайшие сроки лишить врага возможности дальнейшего сопротивления»¹¹.

Практически одновременно с немцами, и, несомненно, под германским влиянием, идеи блицкрига проникли и в военную среду русских и французов. Бряцание оружием наступательной войны, всемерно инспирируемое германцами, стало отличительной чертой франко-русской внешней политики последние годы перед мировой войной. А идея решающего генерального сражения стала доминантой оперативного планирования Генеральных штабов всех стран Европы, готовившихся к мировой схватке.

Германия могла рассчитывать на успех военных действий лишь при долгой заблаговременной подготовке войны во всех отношениях и, прежде всего, собственно военном. При этом необходимым представлялось условие выбора того момента для развязывания агрессии, когда сама Германия максимально готова к войне, а противники – по возможности не готовы. Именно этот момент и стал одним из наиболее слабых звеньев в германской внешней политике: зависимость дипломатии от военного планирования, а действий политического руководства – от графиков мобилизации ставили Германию в положение заведомого агрессора, так как в 1914 г. развязывание войны в Европе было выгодно только ей одной. И именно – в смысле собственной готовности, стоявшей выше готовности предполагаемых противников: «Немцы не намечали войны на август 1914 г., но когда представился случай, они сразу за него ухватились.

¹⁰ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М. – Мн., 2005. С. 28.

¹¹ Дашинев В.И. Проблема борьбы на два фронта в стратегии германского милитаризма // Германский империализм и милитаризм. М., 1965. С. 159, 163.

Они считали, что в тот момент могут выиграть войну; в отношении же возможности победы в дальнейшем у них такой уверенности не было. Поэтому они легко подчинились требованиям, которые диктовал им военный график»¹².

Современные исследователи так оценивают эту проблему: «При ограниченных ресурсах стратегического сырья и продовольствия Германия обладала неоспоримым преимуществом перед странами Антанты в индустриальном развитии, особенно в машиностроении, которое играло ведущую роль в производстве оружия и других средств вооруженной борьбы. В этой области перед войной Германия превосходила страны Антанты почти на 20 %, а совместно с Австро-Венгрией – в 1,5 раза. Это давало возможность с самого начала войны значительно опередить противника не только по темпам, но и по масштабам производства оружия и сразу же создать превосходство в средствах уничтожения его живой силы – основы боеспособности армии. Таким образом, проигрыш в объеме экономического потенциала Германия и ее союзники планировали компенсировать высокими темпами и мобильностью использования тех материальных средств и возможностей, которые имелись у коалиции»¹³.

Агрессивная и жадная политика Берлина, желавшего в одиночку главенствовать в Европе, вразрез с многовековой практикой «баланса сил», к которому все давно привыкли и считали правильным, наряду с нежеланием Великобритании и Франции поступиться мировым господством, сделала Первую мировую войну практически неизбежной. Чем дальше, тем больше немецкая верховная власть оказывалась заложницей собственной же политики: колебания кайзера Вильгельма II в период Сараевского кризиса, 15–18 июля 1914 г., были с негодованием отвергнуты германской военщиной. А предостережения командующего военно-морскими силами Германии адмирала А. фон Тирпица, единственного, кто рассуждал здраво и указывал на настоящего германского врага, предписываемого логикой экономической и геополитической борьбы, пропали втуне.

Таким образом, инициатива ведения собственно боевых действий находилась в руках Германии: во-первых, потому что именно она собиралась развязать войну, во-вторых, вследствие своего географического положения, которое давало возможность переноса центра тяжести военных усилий с Запада на Восток и обратно, от чего зависели действия стран Антанты на континенте. Именно исходя из неизбежности ведения войны на два фронта и строилось оперативно-стратегическое планирование немецкого Большого Генерального штаба на протяжении десятилетий.

Как говорилось выше, если Мольтке-Старший в свое время предполагал вести войну «на измор», не надеясь покончить ни с Россией, ни с Францией в короткие сроки, то Шлиффен принял на вооружение наполеоновскую стратегию сокрушения. Цель – за 40 дней вывести Францию из войны. После быстрой победы над Францией предполагалось перенести основные усилия немецких армий на Восток и, совместно, с австро-венгерскими армиями, разгромить русских. Такой подход вызывался, прежде всего, учетом Великобритании как вероятного противника, наряду с русскими и французами, что влекло за собой экономическую блокаду Центральной Европы и выигрыш войны странами антигерманской коалиции в случае ее затягивания на долгий срок.

Поражение неприятельской коалиции по частям было возможно лишь в результате быстротечных военных действий на одном из фронтов. Мощный удар в направлении Парижа через Бельгию и разгром французов в грандиозном сражении в Восточной Франции и (или) под Парижем выводили французских реваншистов из войны. После этого победа над неповорот-

¹² Тэйлор А. Борьба за господство в Европе. 1848–1918. М., 1958. С. 528.

¹³ Люттов И.С., Носков А.М. Коалиционное взаимодействие союзников: по опыту первой и второй мировых войн. М., 1988. С. 13.

ливой русской военной машиной представлялась несомненной, даже если бы она и затянулась на срок более года.

Как свидетельствовала история, потеря Парижа означала для французов и потерю Франции. Планирование Шлиффена, помимо оттеснения главной французской группировки к швейцарской границе и ее уничтожения, предполагало и непременно взятие столицы. Неприятель должен был быть не просто уничтожен, но и раздавлен морально. Ведь даже Наполеон в 1814 г., все еще располагая армией в 50 тыс. штыков, был принужден собственными маршалами к отречению, именно после того, как союзники вошли в Париж: бросок к французской столице, предпринятый по настоянию русского императора Александра I, одним махом привел к крушению наполеоновского режима.

То же самое, бесспорно, произошло бы и сто лет спустя, в 1914 г., как бы ни заверяла французская сторона русских, что с потерей столицы еще не проиграна война. Забегая вперед, напомним, что англичане, откатывавшиеся в августе 1914 г. под ударами немцев за Париж, уже рассчитывали на эвакуацию в Британию своего Экспедиционного корпуса, полагая, что борьба за Францию уже проиграна. Французский же главнокомандующий Ж. Жоффр, допуская возможность падения столицы, предложил правительству и парламенту переехать в Бордо. Французский автор, участник войны, также говорит: «Париж во время войны был, конечно, важной моральной целью и, с этой точки зрения, потеря его была бы губительной. Но сверх того, падение его лишило бы нас нашего крупнейшего железнодорожного узла и – что было бы еще серьезнее – некоторых отраслей промышленности, которые были там неосторожно сосредоточены и не существовали ни в каком другом месте Франции. Именно – предприятия авиационные, оптические, точных инструментов, большая часть автомобильных. Военное значение Парижа было громадным, потеря его чрезвычайно затруднила бы продолжение борьбы»¹⁴.

Надо сказать, что версия графа Шлиффена, несомненно, была более реалистичной и верной в военном отношении, нежели прочие альтернативные планы. Во-первых, в начале XX века, в отличие от времен Мольтке-Старшего, явственно обозначилась роль Великобритании не просто как одного из членов Антанты, а как ее лидера, готового к бескомпромиссной борьбе. «Борьба на измор» с «владычицей морей» не оставляла Германии шансов в экономическом состязании. Во-вторых, после поражения Франции, жаждавшей реванша за 1871 г., и нескольких крупных побед на Востоке можно было бы заставить русский царизм пойти на мирные переговоры, умерив свои аппетиты и предложив ряд уступок. Справедливость ставки на блицкриг в условиях угрозы войны на два фронта подтверждает и опыт Второй мировой войны: поражение Франции позволило А. Гитлеру сосредоточить главные силы германских вооруженных сил на Востоке для нападения на Советский Союз. И никакое давление англичан в Ливии, или где-либо еще на второстепенных театрах мировой борьбы не смогло нарушить планы фашистского военно-политического руководства. Иной вопрос – насколько роковым образом был недооценен военно-экономический потенциал Советского Союза.

Поэтому, даже в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. и последовавшего после Первой Русской революции 1905–1907 гг. ослабления российских Вооруженных сил, граф Шлиффен не изменил своего оперативно-стратегического планирования, заключавшегося в обходе французских армий сильным правым крылом через Бельгию, отбрасывание французов за Париж к германской границе и их полное уничтожение в грандиозном Приграничном сражении. Ключ к победе – движение огромной массы германских ударных армий через Бельгию, чей нейтралитет в свое время был гарантирован великими державами Европы. Конечно, нарушение этого нейтралитета планировалось заранее, и немцы могли только рассчитывать на то, что бельгийцы не станут сопротивляться, что позволит германским корпусам с максимальной возможной скоростью выйти на франко-бельгийскую границу, чтобы выйти в тыл главным

¹⁴ Кюльман Ф. Стратегия. М., 1939. С. 406.

силам неприятеля. Иными словами, граф Шлиффен не собирался застрять ни под Льежем, ни перед Маасом, дабы выдержать заданные и необходимые для победы темпы операции.

Конечно, Шлиффен не собирался жертвовать Берлином ради Парижа. Иными словами – сроки победы над французами должны были превышать те сроки, за которые русские смогли бы дойти до Берлина, преодолев сопротивление Австро-Венгрии и германских заслонов в Восточной Пруссии и Познани. Для того, чтобы и одержать решающую победу во Франции, и успеть отразить вероятный натиск русских в центр Германии, нужно было не только тщательно рассчитать сроки действий немецких армий, но и максимально понизить сроки переброски войск с Западного фронта на Восточный. Для достижения данной цели задолго перед войной было проведено строительство сквозных железнодорожных магистралей через всю Германию – тех самых магистралей, по которым должны были совершаться массовые переброски войск и техники с одного театра военных действий на другой.

Однако рискованное оперативное планирование Генерального штаба встретило на своем пути неожиданное противодействие внутри самой Германии. Определенные военные, придворные, финансовые, помещичьи круги не желали пожертвовать чем-либо, чтобы выиграть всю войну. В свое время император Александр III припугнул молодого кайзера Вильгельма II, что в случае войны наводнит Германию казаками – многочисленной иррегулярной кавалерией. Поэтому страх перед русским вторжением, представляемым в виде какого-то половодья, не оставлял врага и в 1914 г. Этот страх вынуждал немцев требовать переноса военных действий на русскую территорию в самом начале войны.

А между тем риск игры при меньшем потенциале всегда требует отдать какую-либо фигуру, дабы выиграть всю партию. Понимая, что франко-русский союз имеет в своем распоряжении больше человеческих ресурсов, нежели австро-германский альянс, Шлиффен, вдобавок ко всему прочему, строил свое планирование с учетом максимально меньших потерь. Удар через Бельгию решал судьбу кампании, в сущности, одним только маневром – гигантское окружение давало минимум возможных потерь обеих сторон в боях. Но зато – массу французских пленных и, как следствие, – вывод Франции из войны. Еще Сунь-Цзы писал: «Вообще в бою схватываются с противником правильным боем, побеждают же маневром. Поэтому тот, кто хорошо пускает в ход маневр, безграничен подобно небу и земле, неисчерпаем подобно Хуанхэ и Янцзыцзяну».

План Шлиффена во имя достижения решительной победы во Франции предполагал оставление в Эльзас-Лотарингии и в Восточной Пруссии лишь небольших заслонов, долженствовавших вести активную оборону, по сути, без надежды на решительный успех. То есть временная оккупация этих областей допускалась Шлиффеном как своеобразный «подкидной», как жертва, чтобы выиграть всю войну. Но, ослепленные мощью германского сухопутного меча, оппоненты Шлиффена не желали замечать, что блицкриг, прежде всего, есть дело тщательно выверенное и рассчитанное – тем более в условиях войны на два фронта.

Вдобавок А. фон Шлиффен был не так-то прост: он не собирался просто так отдавать французам промышленные районы Саара и Рейнской зоны. Концентрируя 70 % сухопутных войск для удара через Бельгию, Шлиффен поспешил в максимально возможной степени укрепить крепостные районы в Эльзас-Лотарингии и в Восточной Пруссии. Так, в Восточной Пруссии крепость Кенигсберг, блокировать которую полностью русские не смогли бы, в связи с господством на море германского флота, должна была сопротивляться и после допускаемой оккупации русскими всей провинции. Кенигсберг должен был приковать к себе существенную часть сил русского Северо-Западного фронта, нацеленного против Германии, и тем самым ослабить русский удар на берлинском направлении, которое естественным образом предполагалось само собой в качестве последующей стратегической цели в случае русского успеха в Восточной Пруссии.

Но политику государства в целом определял не Шлиффен. В свое время компромисс между двумя традиционными господствующими группами – монополистами тяжелой индустрии и прусским земельным юнкерством – сформировал базу режима канцлера О. фон Бисмарка. Прусское юнкерство являлось основной силой, поддерживающей существующий кайзеровский режим, и, следовательно, политическое влияние Пруссии в Германии, взятой в целом, было решающим. Соответственно, жертва Восточной Пруссией – это была жертва на «границе фолы», то есть та жертва, отдать которую можно было бы в самом крайнем случае. Справедливо поэтому, что «психологический эффект от только *возможных* боев в Восточной Пруссии был огромен» и «иногo направления вторжения в Германию, кроме как через Восточную Пруссию, русский Генштаб до ноября 1914 г. даже не планировал»¹⁵.

Соответственно, как также пишет Л.В. Ланник, для того, чтобы сделать Восточную Пруссию «жертвой» во имя торжества блицкрига и победы в войне, «была необходима железная воля графа фон Шлиффена и его способность мыслить в рамках “большой стратегии”». После смерти Шлиффена давление прусских помещиков-юнкеров и промышленников Рура (реальных хозяев тех территорий, что могли быть подвержены временному нашествию врага в случае безукоризненного выполнения «Плана Шлиффена») вынудило кайзера Вильгельма II пойти на компромисс в деле усиления Восточного фронта в ущерб Западному.

Помимо того, настойчивое предложение Людендорфа об увеличении перволинейной армии на три армейских корпуса не прошло через соответствующие инстанции. Возможно, эти три корпуса позволили бы немцам в августе 1914 г. продолжать марш на Париж, невзирая ни на какие успехи русских в Восточной Пруссии: «Этот десяток дивизий Германия могла бы легко иметь, так как, несмотря на то, что обучено было только 70 %, внутри страны оставалось до 600 тыс. обученных, не использованных при первой мобилизации, вследствие отсутствия кадров»¹⁶. К началу войны германская армия уже насчитывала в своих рядах 808 280 человек, однако качественные изменения, предусматриваемые законом, еще не были до конца проведены. Военное министерство привело отговорку, что такой шаг разбавит резервистами существующие кадры. В итоге новые корпуса пришлось создавать осенью, уже после поражения на Марне, и они всего только и смогли как доблестно и бесполезно погибнуть в лобовых атаках во Фландрии.

Рисковать на границе фолы после Шлиффена немцы не желали, а риск являлся единственным шансом Германии на выигрыш войны. Бесспорно, что обстановка несколько изменилась: существенное развитие получила железнодорожная сеть, увеличилась огневая мощь войск, возросло значение промышленной базы Рура и т. д. Но все-таки за 6 недель ни французы не успевали выйти в тыл германских армий через Эльзас-Лотарингию, ни русские – испепелить Восточную Пруссию, не говоря уже о том, чтобы дойти до Берлина. Тем не менее «План Шлиффена» в 1906–1914 гг. претерпел кардинальные изменения в сторону отказа от того чрезвычайно рискованного, но одновременно и единственно верного планирования, что был предложен и тщательно рассчитан генералом Шлиффеном. Поэтому, как справедливо говорит А.А. Свечин, преемники графа Шлиффена – прежде всего, генерал Х. Мольтке-Младший (племянник) – «стремились и осуществить план Шлиффена, и уберечь каждую пядь германской земли от неприятельского вторжения. Они являлись в одно и то же время представителями идеи стратегии сокрушения и стратегии измора, несовместимых по самой природе своей»¹⁷.

Согласно измененному планированию, восточнопрусская и лотарингская группировки получали существенное приращение сил. Достаточно сказать, что по «Плану Шлиффена»

¹⁵ Ланник Л.В. Восточная Пруссия 1914 г.: становление мифа // Новый век: история глазами молодых. Сборник научных трудов. Саратов, 2008. Вып. 6. С. 60–61.

¹⁶ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. М., 2002. С. 757–758.

¹⁷ Постижение военного искусства. Идейное наследие А. Свечина. М., 2000. С. 237–239.

более ½ всех германских сил на Западном фронте должны были быть развернуты в 35-километровой полосе прорыва между голландской границей и Мальмеди. А ведь армия всегда имеет какие-то ограниченные пределы своих возможностей, и нельзя одновременно быть сильным везде. Тем самым ослаблялась главная группировка сил в Бельгии, сосредотачиваемая для сокрушительного удара по Франции, ибо невозможно быть сильными повсюду. «Погоня за двумя зайцами» в итоге привела к проигрышу войны. Именно поэтому незадолго до своей смерти в начале 1913 г. граф Шлиффен опубликовал в открытой печати статью, где резко критиковал изменения, внесенные Х. Мольтке-Младшим в шлиффеновский стратегический план предстоящей Большой Европейской войны.

«План Шлиффена»

Если русский и особенно французский военные планы являлись малореалистичными, так как исходили из заведомо неверных предпосылок относительно характера и хода первых операций, то немецкий план в своем изначальном варианте, как представляется, имел несомненный шанс на успех. После 1892 г., когда был заключен русско-французский союз, Шлиффен уже не рассматривал вариантов первого удара против Российской империи. Теперь вся военно-теоретическая мысль немецких генштабистов была направлена на разработку планов разгрома Франции в кратчайшие сроки (в 1913 г. преемник Шлиффена на посту германского Большого Генерального штаба Х. Мольтке-Младший окончательно свернул запасные разработки относительно нанесения первого удара на Восточном фронте).

Если во Франции и России оперативно-стратегическое планирование доводилось лишь до уровня первоначальных операций, то немцы к 1914 г. имели на руках реальный план по выигрыванию войны на континенте путем детальной разработки вывода из войны одного из вероятных противников – Франции в короткие сроки – около двух месяцев. План графа Шлиффена базировался на нескольких основных предпосылках:

1) медленность сосредоточения русской армии, что давало германцам время, необходимое для проведения решительной операции на Западе по выводу Франции из войны до того, как русские войска сумеют достичь Берлина;

2) ограниченность пространства Западного театра военных действий, что делало возможным ведение решительной операции на уничтожение французских (а также, в случае вступления в войну Великобритании, и английских – так называемый Экспедиционный корпус) вооруженных сил в короткие сроки, необходимые для блицкрига. Этот срок, установленный Шлиффеном после тщательных расчетов, – не более шести недель;

3) близость к французской границе промышленных районов Саара и Рура, жизненно необходимых для ведения войны, что вынуждало германское командование ставить разгром Франции в качестве первоочередной цели военных действий: допустить разрушения (не говоря уже об утрате) данных районов было просто невозможно.

Из этих предпосылок вытекали следствия, послужившие базой к непосредственному составлению плана операций и служащих руководством к действию:

1) сосредоточение основной массы германских вооруженных сил на Западе. Именно – напротив стыка территорий Франции и Бельгии, так как франко-бельгийская граница практически не была укреплена. Колебания кайзера Вильгельма II 19 июля, в день объявления войны Российской империи, по поводу переброски армий на Восток, чтобы удержать французов от вступления в войну, являются беспочвенными. Франция неизбежно вступала в войну, хотя бы уже только потому, что после разгрома Российской империи она оставалась в одиночестве против объединенной мощи стран Центрального блока, но теперь уже не имея ни малейшего шанса на победу;

2) возможность оставления цитадели германского государства – Восточной Пруссии – во имя достижения решительной победы на Западе, что должно было быть достигнуто ведением активной стратегической обороны на Востоке вплоть до разгрома Франции;

3) допущение медленного (непрерывно – медленного) отхода несильных заслонов в Эльзас-Лотарингии, дабы привлечь на второстепенное направление возможно большее количество французских войск и тем самым вынудить французов бросить свои главные силы на второстепенное направление;

4) решительное наступление австро-венгерских армий на Восточном фронте с целью сковывания максимума русских вооруженных сил, пока главная германская группировка занята на Западном фронте;

5) итог: выигрыш войны на Западе до возможного ее проигрыша на Востоке. Затем – переброска всех сил на Восток и разгром Российской империи в кратчайшие сроки.

Из оперативного планирования, в свою очередь, вытекали основные положения ведения непосредственных военных действий:

1) распределение сил и средств на Западном фронте в пропорции 7: 1 в пользу ударного правого крыла: гибкая оборона на левом крыле должна была придать наступлению правого крыла несокрушимость; заодно, относительная слабость армий левого крыла должна была сыграть роль своеобразной приманки – вынудить французов наступать в Эльзас-Лотарингии, увязая в германской обороне с каждым шагом, что мешало бы французскому командованию перебрасывать подкрепления к Парижу из своей эльзасской группировки;

2) наступление через Бельгию в обход системы французских крепостей на франко-германской границе: темпы движения обеспечивались наличием в германской армии тяжелой полевой артиллерии, долженствовавшей взломать оборону бельгийских крепостных укреплений в самые короткие сроки;

3) образование маневренного заслона (8-я армия) в Восточной Пруссии и его заранее предусматриваемый отход на линию Нижней Вислы: отступление с боем на укрепленную крепостями реку Висла должно было измотать русские армии вторжения, лишив их возможности форсировать Вислу большими силами, чтобы двинуться на Берлин;

4) ярко выраженный наступательный план кампании на Востоке со стороны австрийцев: именно австрийская сторона брала на себя задачу максимального отвлечения русских армий от германской границы в ожидании, пока германские армии не будут переброшены с Запада на Восток.

Таким образом, стратегическая концепция графа Шлиффена, всецело исходившая из скоротечности характера предстоящей войны, строилась на достижении решающей победы в одном-единственном генеральном сражении на Французском фронте. Эта победа должна была вывести Францию из войны, отбросить английские войска (в случае, если Великобритания все-таки вступит в войну, возмущившись нарушением нейтралитета Бельгии) за Ла-Манш и создать предпосылки для переноса усилий германской военной машины на Восточный фронт. Концепция ведения Большой Европейской войны, в представлении немецких военных руководителей, заключалась в стремлении избежать войны на два фронта. Именно поэтому сам «план Шлиффена» был разработан как блицкриг против Франции: Вооруженные силы Российской империи, бесспорно, не смогли бы выстоять в единоборстве с Германией и Австро-Венгрией на сухопутном фронте. Разгром Франции, таким образом, фактически, означал победу в войне.

Под данное стратегическое планирование строилась вся немецкая военная система:

– тяжелая полевая артиллерия для взлома бельгийских крепостей и быстрого опрокидывания неприятельских армий в полевой борьбе, что было необходимо для выдерживания надлежащих темпов операции,

– развертывание резервных корпусов в качестве второго стратегического эшелона, до максимально возможного предела усиливающего удар перволинейных кадровых войск,

– чрезвычайно разветвленная и мощная железнодорожная инфраструктура, позволяющая маневрировать войсками, как с Западного фронта на Восточный фронт, так и между отдельными участками Западного фронта.

Особенно большое внимание отводилось развитию железнодорожной сети, так как в современной войне войска чрезвычайно зависят от своевременного снабжения, позволяющего не только не понижать, но даже и наращивать темпы операции уже после ее начала. Между тем, снабжение, в условиях сравнительно зачаточного состояния автомобильного военного транспорта к августу 1914 год, и невозможности конного транспорта поддерживать требуемый темп снабжения, всецело зависело от работы железных дорог. Британский ученый так говорит о планировании Шлиффена: «Его план строился исходя из того, что Германия имеет хорошо развитую сеть современных железнодорожных путей сообщения, и того факта, что развитая сеть внутренних коммуникаций обеспечивает ей стратегический перевес, благодаря которому она сможет бросить все свои ударные силы на Францию и победить ее *прежде*, чем дряхлеющая русская армия сможет мобилизоваться и прийти ей на помощь»¹⁸.

Под блицкриг затачивалась и промышленность Германии, которая заранее накопила запасы стратегического сырья, была готова к немедленному переходу на военные рельсы, а сама промышленная система являлась образцом именно военного хозяйствования на случай войны. То есть «Германия в течение четырех десятилетий готовилась к будущей войне, умело и рационально реформируя экономику и направляя внешнеэкономическую политику на создание самодовлеющего, самообеспеченного государства. Причем приоритет отдался промышленному развитию и прежде всего оборонным отраслям производства»¹⁹. Искусно созданная автаркия вкупе с хозяйственным потенциалом оккупированных территорий должна была послужить базой блицкрига. И заодно – подстраховать страну на случай непредвиденных осложнений.

В оперативно-тактическом отношении победа должна была быть достигаема с помощью гигантского охвата французов через Бельгию и, через занятие Парижа, оттеснения неприятеля к швейцарской границе с последующим его уничтожением. Сражение должно было принять размеры гигантской операции, проводимой на территории Бельгии и Северной Франции группировкой в 2 млн штыков и сабель. Победа в столь грандиозной операции строилась на плане решительного удара по неприятельскому флангу (или обоим сразу) с последующим прорывом во вражеский тыл. Свою теорию граф А. фон Шлиффен назвал по наименованию одной из побед Ганнибала над римской армией в 216 году до нашей эры – Канны.

В своей известнейшей работе, так и названной «Канны», где разбирались сражения прошлых эпох, проведенные на окружение, Шлиффен указывал: «За 2000 лет оружие и способы ведения боя совершенно изменились. Уже не идут врукопашную с короткими мечами, а стреляют друг в друга с расстояния в тысячи метров. Лук заменила скорострельная пушка, вместо пращи теперь пулемет. Добивание неприятеля заменила капитуляция. Но в общих чертах боевые условия остались без изменения. Бой на уничтожение может быть дан и ныне по плану Ганнибала, составленному в незапамятные времена. Неприятельский фронт не является объектом главной атаки. Существенно не сосредоточение главных сил и резервов против неприятельского фронта, а нажим на фланги. Фланговая атака должна быть направлена не только на одну крайнюю точку фронта, а должна захватить всю глубину расположения противника. Уничтожение является законченным лишь после атаки неприятельского тыла»²⁰.

¹⁸ Нилланс Р. Генералы Великой войны. Западный фронт 1914–1918. М., 2005. С. 53.

¹⁹ Китанина Т.М. Россия в Первой мировой войне. 1914–1917 гг. Экономика и экономическая политика. Ч. 1. СПб., 2003. С. 60.

²⁰ Шлиффен А. Канны. М., 1938. С. 14.

Оперативным маневром должно было служить непрерывное давление на фланг противника, достигаемое резким превосходством в силах и средствах на направлениях главного удара. Данное превосходство должно было сохраняться на протяжении всей операции по разгрому Франции. Достижение этого предполагалось как последовательным разгромом неприятельских войск по частям, так и непрерывным вводом в сражение резервных корпусов.

Такой подход к оперативно-стратегическому планированию проистекал из осознания необходимости достижения поставленных целей теми ограниченными средствами и тем ограниченным временем, которые находились в распоряжении Германии. Основным козырем являлся превосходный механизм германской армии, лучшей в мире на тот момент, а также теоретический и практический уровень военной подготовки и военного искусства немецкого высшего командного состава и Большого Генерального штаба. Существуют интересные версии о том, что в своем плане войны Шлиффен должен был бы усилить свое правое ударное крыло высокоманевренными (по меркам того времени, конечно) соединениями: кавалерией (С.Н. Михалев) или даже моторизованной пехотой (С.Б. Переслегин). Данные мероприятия теоретически предлагались участниками войны уже после ее окончания в качестве осмысления уроков и итогов военных действий. Эти высокоманевренные войска были необходимы, чтобы достичь надлежащих темпов развития операции в Бельгии и Северной Франции.

Предвидеть такие расчеты не смог и Шлиффен, почему его план строился как на выигрыше темпов германским маневром сквозь бельгийскую территорию, так и на параллельной германскому наступлению потере темпов французским контрманевром. Сам размах операции (о самом плане французы знали с 1904 г., да и Шлиффен понимал, что утаить свое планирование не удастся) должен был внести в сражение элемент внезапности для неприятеля. Во имя этого размаха на Западный театр военных действий должно было быть отправлено $\frac{7}{8}$ всех германских войск, а уже из них $\frac{5}{6}$ отправлялись на правое крыло и в центр.

Немцы превосходно сознавали, что если отправленных на Западный фронт сил не хватит, то вся гигантская операция на окружение французских полевых армий восточнее Парижа закончится вхолостую. А это – проигрыш войны, так как на Востоке в Германию на 15-й день вторгались русские, и оставалась еще Великобритания, которую также нельзя было полностью сбрасывать со счетов. Следовательно, ударная группировка на правом крыле должна была быть столь значительной, чтобы в ходе всей операции немцы имели бы численный перевес и получали бы возможность постоянно обходить крайний фланг неприятеля, пользуясь этим численным перевесом.

Таким образом, даже временный переход к обороне на каком-либо из участков правого крыла означал потерю темпа наступления, а значит, ставил операцию под угрозу срыва. В свое время К. фон Клаузевиц писал: «Как ни одна оборонительная кампания не может состоять только из элементов обороны, так и кампания наступательная не состоит из элементов одного лишь наступления, так как помимо тех коротких промежуточных периодов, когда обе враждующие армии находятся в состоянии обороны, всякое наступление, которого не хватает для заключения мира, неизбежно заканчивается обороной». В примечании к данному абзацу советский редактор перевода труда «О войне» указывал, что «План Шлиффена стремился во что бы то ни стало избежать этого конечного перехода к обороне, и с этой целью Шлиффен добивался всеми средствами колоссального перевеса на заходящем правом фланге, нагромождая на нем в затылок друг другу четыре оперативных эшелона (второй – для осады Антверпена и борьбы с англичанами, третий – для захвата Кале и побережья Франции, четвертый – для осады Парижа). Последующие оперативные эшелоны Шлиффена были именно и предназначены для противодействия моментам, ослабляющим наступление, о которых говорит здесь Клаузевиц».

Вдобавок, французы еще и подыграли противнику, чего Шлиффен даже и не мог предвидеть. Немцы готовили оперативно-стратегическую ловушку на своем южном (левом) крыле,

однако французы с 1912 г. готовились увязнуть не только в Эльзас-Лотарингии, но и в центре общего фронта, в Арденнах. Принятый во Франции накануне войны план ведения военных действий подразумевал наступление не только в Эльзас-Лотарингии, но и в центре общего фронта, сквозь Арденны. То есть французы готовились еще больше увязнуть в сражениях на второстепенных участках, чтобы потерпеть конечное поражение, так как перед главной германской группировкой, на главном направлении, оказывалось бы слишком мало войск.

При условии распределения сил между крыльями как 7: 1, как следовало по германскому плану, левое крыло оказывалось настолько слабее сосредоточенной напротив основной французской группировки, что неизбежно должно было сразу же перейти к стратегической обороне, уже в начале боевых действий. Для обеспечения этого условия Шлиффен укреплял крепостями Саарский район («волнорезом» здесь выступал укрепленный лагерь крепости Мец) и юго-западную границу Германии. Характерно, что укрепление франко-германской границы заведомо производилось в качестве оперативной ловушки – «немецкой мышеловки», по выражению Фоша. Маршал Ф. Фош впоследствии писал: «Лотарингский театр, сам по себе узкий и изобилующий естественными препятствиями, обладал еще и многочисленными фортификационными сооружениями. Со своими фланговыми позициями и фронтальными оборонительными линиями, опиравшимися на большие крепости Страсбург и Мец – Тионвиль, располагая густой сетью железных дорог, он представлял в руках германского командования поле сражения, отлично подготовленное для того, чтобы небольшими силами задержать противника. В случае же необходимости они могли нанести ему чувствительное поражение, комбинируя фронтальные сковывающие действия с фланговыми контратаками. Он также обеспечивал германскому командованию при небольшой затрате сил более широкий маневр армий, ищущих решительного сражения на сравнительно открытых равнинах Северной Франции»²¹.

Одновременно с тем усиление полевых войск тяжелой артиллерией придавало пехоте чрезвычайную устойчивость при обороне. Точно так же, на правом крыле, тяжелая артиллерия становилась средством наступления, которому французы ничего не могли противопоставить. Как справедливо полагает С.Б. Переслегин, «Шлиффену нужно было обеспечить максимальную подвижность правого крыла. На уровне тактики эта задача была решена включением в состав полевых войск (в качестве наступательного оружия!) тяжелой гаубичной артиллерии. Мне представляется, что в этом заключена техническая основа плана Шлиффена. Штатное включение тяжелой артиллерии в состав корпусов дало немцам решающее тактическое преимущество в бою».

Соображения престижа требовали от французов удара в Эльзас, дабы придать войне характер освободительной борьбы. И это немцы также отлично понимали. Потому Шлиффен и был уверен, что противник увлечется наступлением в глубь Эльзас-Лотарингии, а левое германское крыло сможет драться то необходимое время, что потребуется правому крылу на взятие Парижа и движение к швейцарской границе с запада, на окружение основных сил французов, скованных в Эльзасе. Обойти части левого крыла французы заведомо не могли, будучи скованы немецкой крепостной системой и швейцарской границей, а в лобовом, фронтальном столкновении значительную роль играет тактическое превосходство войск, которое было на стороне германцев – заблаговременно подготовленные укрепления и тяжелая полевая артиллерия.

Изменив соотношение сил на крыльях как 3: 1, преемник Шлиффена на посту начальника Генерального штаба Х. Мольтке-Младший еще до первого выстрела фактически проиграл блицкриг. Тот самый блицкриг, который один только и мог дать победу в Большой Европейской войне германской стороне. Более того, накануне решающего сражения под Парижем (перед Битвой на Марне) два армейских корпуса и кавалерийская дивизия были отправлены в

²¹ Фош Ф. Воспоминания (война 1914–1918 гг.). СПб., 2005. С. 50–51.

Восточную Пруссию, чтобы остановить русское наступление в глубь Германии. В то же время те 60 батальонов, что в самый критический момент были отправлены на Восточный фронт, смогли бы сыграть ключевую роль в боях 1-й армии А. фон Клука близ Парижа. Им требовалось выиграть время до подхода подкреплений, так как французское командование в самом начале войны также допустило ряд тяжелых ошибок, едва-едва не приведших к немецкой победе даже в том чрезвычайно «обкорнанном» варианте плана Шлиффена, что был принят Мольтке-Младшим.

Таким образом, германское Верховное командование допустило сразу две решающие ошибки, которые в конечном счете перевесили все те несурзности, что провели в жизнь своими действиями французы и русские. Во-первых, еще до войны давление определенных политических кругов вынудило германский Генеральный штаб усилить второстепенные направления (Эльзас-Лотарингия и Восточная Пруссия) в ущерб главному (Бельгия).

Во-вторых, уже в ходе военных действий (12 августа) немцы ослабили опять-таки главное направление, сняв с него еще два армейских корпуса. Эти корпуса были отправлены на Восток, а еще один, выведенный из состава армий левого крыла, не успел к моменту французского контрудара со стороны Парижа по германской 1-й армии. А.А. Свечин верно отметил, что «отказ германцев от атаки Парижа являлся логическим следствием отправки подкреплений в Восточную Пруссию и решения прорвать со стороны Лотарингии французские укрепленные пограничные позиции»²². Кроме того, в тылу наступавших германских армий оказались еще как минимум три корпуса: два резервных корпуса (3-й и 9-й) были выдвинуты к Антверпену, где укрылась бельгийская армия, и еще один – 7-й армейский корпус – был задержан под крепостью Мобеж. Разбросав массу сил и средств по второстепенным театрам, и теперь, заведомо не имея решающего превосходства, германцы сами вырыли себе могилу.

И если отчасти верно, что французский главнокомандующий Ж. Жоффр в конечном счете переиграл немцев и спас Париж и армию путем быстрой переброски сил на свое левое крыло, обеспечив себе превосходство сил перед «Битвой на Марне», то не менее очевидно, что лишние 80 тыс. немецких штыков и сабель со своей артиллерией вполне могли удержать пространство и оперативную паузу, необходимые для броска на Париж после новой перегруппировки. И это при том, что отчаянное сопротивление бельгийцев заставило немцев потерять темп рассчитанного наступления. Это были те самые войска, которых не хватило на правом крыле для закрытия бреши между 1-й и 2-й германскими армиями в момент движения 1-й армии к Парижу.

Что касается цифр... Численность германского перволинейного корпуса – 45,5 тыс. штыков (на Восток отправлен 11-й армейский корпус О. фон Плюскова из 3-й армии). Численность резервного корпуса – 37 тыс. штыков (на Восток отправлен Гвардейский резервный корпус М. фон Гальвица из 2-й армии). Это – при соответствующей артиллерии, в том числе и тяжелых гаубичных батареях (резервные корпуса в начале войны не имели тяжелой артиллерии). Численность кавалерийской дивизии – около 4 тыс. сабель (на Восток отправлена 8-я кавалерийская дивизия, но из состава 6-й армии левого крыла). Эти войска не состояли в крайней 1-й армии, но вполне могли быть переброшены на ее поддержку, раз уж сочли возможным перевозить их в Восточную Пруссию.

Когда в переломных боях 23–24 августа 1-я германская армия была контратакована от Парижа 6-й французской армией М. Монури, немецкий командарм-1 А. фон Клок перебросил на угрожаемый участок два корпуса и отбросил французов. Дальше оставалось преследование откатывавшихся к Парижу французов и разгром их под стенами французской столицы. Но при этом между 1-й и 2-й армиями образовался 30-километровый разрыв, в который вклинились англичане и 5-я французская армия, и уже 27 августа командующий 2-й германской армией К.

²² Великая забытая война. М., 2009. С. 30.

фон Бюлов отдал приказ об отходе на Марну. Отход уже сам собой, как факт, знаменовал провал удара на Париж, а следовательно, и всего блицкрига, предпринимаемого немцами согласно «Плану Шлиффена».

Германцам не хватило совсем немного войск. Как раз тех, что убыли на Восток, а будь у Бюлова еще Гвардейский резервный корпус, тогда немцы сумели бы прикрыть брешь и продолжить наступление с неослабевающей яростью. Французский генерал Дюпон впоследствии писал по этому поводу: «Эта главная ошибка (переброска войск на Восток. – *Авт.*) была, быть может, нашим спасением. Представьте себе гвардейский резервный корпус на своем месте 7 сентября между Бюловым и Клюком, 11-й армейский корпус и 8-ю саксонскую кав. дивизию с армией фон Гаузена 9 сентября в Фер-Шампенуазе; какие могли быть последствия?.. От такой ошибки начальника германского Генерального штаба в 1914 году другой Мольтке, дядя, должен был содрогнуться в могиле!»²³

Дело не только в количестве штыков в нужном месте в нужное время, но еще и в психологии. Как известно, приказ об отступлении германских армий правого ударного крыла на Марне был отдан доверенным посланником Х. Мольтке-Младшего – подполковником Р. Хенчем. Посланник начальника Большого Генерального штаба объехал все армии, вторгнувшиеся во Францию, и нашел уныние в штабе только одной из них – 2-й армии, которой командовал К. фон Бюлов. Именно в его оперативном подчинении находилась еще и 1-я армия А. фон Клука, совершавшая захождение на Париж. В ходе сражения на реке Урк командарм-1 перебросил два корпуса на свой оголившийся фланг, чем увеличил разрыв со 2-й армией. В свою очередь, после отправки двух корпусов на Восточный фронт командарм-2 еще больше сжал свою армию в кулак, чем опять-таки лишь увеличил разрыв, окончательно оголив внутренние фланги 2-й и 1-й армий. Именно в связи с этим в штабе 2-й армии и воцарилось уныние, так как Бюлов уже не рассчитывал на победу под стенами Парижа. Ибо 1-я армия была вынуждена наступать не в обход французской столицы с запада, а прямо в лоб, оголяя и подставляя свой внешний фланг под вероятный контрудар англо-французов. Поэтому, даже когда подполковник Хенч убедился, что штаб 1-й армии полон оптимизма, он все-таки (предъявив полномочия Верховного командования) приказал обеим армиям отступить.

Таким образом, отправка войск на Восток не только просто уменьшила силы немцев в преддверии решающего сражения под Парижем, но и вселила неуверенность в своих возможностях в души победителей (в Пограничном сражении 2-я армия Бюлова разгромила 5-я французскую армию Ш. Ланрезака). Эта неуверенность решительным образом повлияла на решение посланца Верховного командования – подполковника Р. Хенча, который, вопреки логике блицкрига, поддержал сомневавшегося командарма-2, а не желавшего рискнуть командарма-1.

Сама миссия Хенча – это следствие осознания совершенных ошибок самим же Х. Мольтке-Младшим. Понимая, что «План Шлиффена» близок к провалу, он отправил своего посланца с соответствующими полномочиями, в те армии, которые должны были решить исход всей операции. Сам факт говорит о том, что в германской Ставке поняли проблему.

Здесь встает вопрос: так что же стало главной причиной поражения немцев в битве на Марне – предвоенное распределение сил или переброска войск на Восточный фронт? Например, советский исследователь Г.С. Иссерсон пишет: «Мы не склонны разделять мнение, что оно (Восточно-Прусская наступательная операция. – *Авт.*) решило участь сражения на Марне, вынудив германское командование перебросить два корпуса с Запада на Восток. Банкротство германского наступления на Францию в 1914 г. имеет более глубокие, правда, еще мало осознанные причины. Два корпуса на правом германском крыле могли продлить Марнское сражение еще на 2–3 дня, доведя кризис его для французов до более высокого напряжения, но они не могли изменить участи этого грандиозного захождения армий правым плечом, имевшего

²³ Дюпон. Высшее германское командование (с немецкой точки зрения). М., 1923. С. 8.

в своей основе искаженный план Шлиффена и его изуродованный метод проведения операции»²⁴.

Г.С. Иссерсон совершенно прав: главной причиной провала германского блицкрига стала измененная группировка войск на ударном правом крыле. Однако это – в строгой теории математического расчета. Но маневренная война, да еще в самом своем начале, есть вещь весьма субъективная, во многом зависящая от воли военачальников всех степеней и моральной силы рядовых солдат и офицеров. Ведь буквально накануне французского контрнаступления от Парижа английское командование запаниковало, и англичане намеревались пробиваться к портам Ла-Манша, чтобы эвакуироваться в Англию. Французам едва-едва удалось уговорить фельдмаршала Д. Френча выдвинуть свои войска на исходные позиции и поддержать союзников. А введи немцы в прорыв, пробитый частями 1-й армии, еще два корпуса? Опять-таки, только нехватка сил вынудила Клука совершить маневр на захождение не за Парижем, а перед французской столицей. Между 1-й и 2-й армиями образовался разрыв, и, чтобы прикрыть его, 1-я армия оказалась вынужденной сузить размах маневра, что и стало причиной англо-французского контрудара в оголившийся германский фланг, а если бы командарм-2 прикрыл этот разрыв Гвардейским резервным корпусом?

Точно так же русские вполне могли выиграть Восточно-Прусскую операцию, окажись на местах командиров фланговых корпусов (1-й и 6-й армейские) 2-й русской армии А.В. Самсонова волевые командиры. Все висело на волоске: против пяти армейских корпусов и трех кавалерийских дивизий 2-й русской армии дрались четыре корпуса и сводные дивизии ландвера. Силы были практически равны, дело решилось маневром, организацией и стойкостью духа начальников. И в Восточной Пруссии, и на Марне. Эти два немецких корпуса могли оказаться той соломинкой, что по восточной поговорке сломала бы спину тяжело нагруженного верблюда. А могли и не оказаться, так как изменение «Плана Шлиффена» уже само по себе скрывало в своих недрах причины поражения и срыва блицкрига.

В любом случае несомненно, что французское командование сделало все возможное, чтобы выправить ситуацию и воспользоваться тяжелейшими огрехами организации германской группировки. Если германцы уже в ходе решающего наступления на Париж раскидывали корпуса на второстепенные участки, то Жоффр, напротив, сумел, исправляя преступные ошибки предвоенного оперативного планирования, сосредоточить достаточные силы на главном направлении под Парижем. Прочитируем еще раз маршала Фоша, справедливо назвавшего сражение на Марне «действительно большой победой»: «Вскоре после наших неудач на границе он [генерал Жоффр] ясно увидел, что игра начата неправильно, и вышел из боя, чтобы возобновить его, как только будут исправлены замеченные недочеты. Разгадав замыслы противника, его стремительный маневр через Бельгию, а также обнаружив несостоятельность некоторых начальников, он не колеблясь перегруппировал свои силы, создал на западе ударную армию и реорганизовал командование. Он продолжал отход в ожидании благоприятного момента. Когда этот момент наступил, он, энергично осуществив поворот на 180 градусов, применил планомерное сочетание наступления и обороны. Задержав нашествие противника, он нанес ему смертельный удар»²⁵.

Невзирая на сильную группировку германских армий левого крыла, к тому же наступавшую, французы все-таки сумели вывести из Эльзас-Лотарингии столько войск, сколько им было необходимо для ведения генерального сражения близ стен своей столицы – на Марне. Перед началом Битвы на Марне англо-французы имели в своих рядах 1 082 000 чел. при 2816 легких и 184 тяжелых орудиях; германцы – 900 000 чел. при 2928 легких и 436 тяжелых орудиях. К тому же англо-французское командование само совершило массу ошибок тактико-опе-

²⁴ Иссерсон Г.С. Канны мировой войны (гибель армии Самсонова). М., 1926.

²⁵ Фош Ф. Воспоминания (война 1914–1918 гг.). СПб., 2005. С. 134–135.

ративного характера. Немцам не хватило совсем чуть-чуть! Как справедливо говорит по этому поводу С.Б. Переслегин, скрупулезно исследовавший данный вопрос, «имея в начале сражения выигрыш в 2,5 корпуса (при общем преимуществе в материале), союзники смогли удержать преимущество только в один эффективный корпус. Этого оказалось достаточно»²⁶.

В свою очередь, противники Германии допустили тот максимум ошибок, которые придали и без того почти идеальному плану Шлиффена дополнительные шансы на выигрыш кампании:

– крайне неудовлетворительное руководство армиями русского Северо-Западного фронта, что позволяло германцам успешно отразить русское вторжение в Восточную Пруссию и без помощи перебросок с Западного фронта: при этом русские потеряли ½ своей первоначальной группировки, направленной против Германии в течение первых полутора месяцев военных действий, уже через четыре недели после объявления войны;

– базирование плана наступательной операции армий русского Юго-Западного фронта на заведомо неверных данных, что дало возможность австрийцам временно перехватить инициативу и приковать к себе русские резервы, выигрывая время, необходимое для победы главных германских сил, наступавших на Западе;

– развертывание главных сил французов в Вогезах и их наступление в центре и на правом крыле (французский Генеральный штаб полагал, что вступление в Эльзас-Лотарингию поднимет дух французских войск в преддверии решительных сражений с немцами), вопреки единственно верному стратегически оборонительному плану, разработанному до войны. Это позволило ударному германскому крылу выдерживать необходимые темпы наступления при движении через Бельгию.

Таким образом, только лишь изменение пропорции сил и средств между германскими крыльями, а также крайне несвоевременная отправка 80 тыс. штыков и сабель на Восток, погубили все дело, которое помимо ювелирного расчета А. фон Шлиффена получило дополнительные шансы ввиду совершенно необоснованных действий противника. Германский участник войны пишет: «Французы оказали нам “любезную услугу”, как это называл Шлиффен. То есть не стали ожидать немецкого наступления за той или иной водной преградой, опираясь на Верден или Париж, но сами пошли нам навстречу, к тому же разделив силы между сильным центром и слабым левым крылом, что было во всех отношениях выгодно для немецких намерений»²⁷.

Можно вспомнить, что Тройственный союз состоял все-таки из трех государств – Германии, Австро-Венгрии и Италии. Согласно старым военным соглашениям между этими странами, итальянцы должны были не только выставить свои армии на южной границе Франции, сковывая часть французских сил, но и перебросить в Эльзас 3 армейских корпуса и 2 кавалерийские дивизии. Имея эти войска в Эльзасе, германское командование могло существенно усилить свое правое крыло. Однако уже задолго до лета 1914 г. стало ясно, что Италия, скорее всего, не выступит против Великобритании и Франции. Так что немцы были обречены на усиление своего левого крыла (этого требовали промышленники и юнкера, добившиеся отставки графа Шлиффена, не пожелавшего поступиться своими расчетами), но никоим образом не на ослабление правого крыла уже в ходе начавшейся операции по разгрому Франции.

Французский план войны

В начале XX века, как и 30 годами ранее после унижительных дней Седана и Меца, во Франции господствовал оборонительный план военных действий. Французскими ген-

²⁶ Переслегин С.Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. М. – СПб., 2005. С. 360.

²⁷ Гренер В. Завещание Шлиффена. М., 1937. С. 19.

штабистами, разрабатывавшими оперативное планирование, справедливо подразумевалось, что германская военная мощь, безусловно, будет столь сильна, что сломить ее встречным наступлением не удастся. Такая точка зрения объективно опиралась на экономические, демографические и военные показатели германской военной машины.

Требовалось максимально сузить фронт неприятельского вторжения во Францию, дабы отбить вражеский напор, в ожидании вторжения русской армии в Германию с востока. Иначе говоря, продержаться столько, сколько будет необходимо, пока русские армии не вынудят немцев защищать уже и даже самый Берлин. Для этого французами была укреплена юго-восточная граница страны (напротив Эльзас-Лотарингии), причем в линии крепостей оставались промежутки, подверженные фланговым контрударам. Широкомасштабное германское наступление из Лотарингии заведомо обрекалось на неуспех: понимая это, граф Шлиффен разрабатывал планирование наступления через Бельгию.

В центре, от Седана до Живе, франко-германскую границу разделяют горы Арденны. Здесь французами были укреплены горные проходы, причем масштабы фортификационных работ предполагали возможность продержаться около двух месяцев, в течение которых русские должны были оттянуть на себя массу германских дивизий с Запада, стреножив тем самым германское наступление во Франции. Именно поэтому Шлиффен и строил свое планирование на обходе французских укрепленных районов через Бельгию и предполагал отход германских войск левого крыла в глубь Эльзас-Лотарингии, чтобы втянуть в борьбу за эти провинции возможный максимум французских вооруженных сил и, значит, максимально ослабить неприятеля на направлении главного удара – со стороны Бельгии, где французских крепостных районов не было.

Такой план в случае его ввода в действие в первом периоде войны предполагал истощение германской наступательной инициативы в оборонительных сражениях, которые должны были бы по преимуществу проходить в укрепленных районах или гористой местности. Во-вторых – невозможность втягивания французских армий в эльзас-лотарингскую ловушку: ведь если французы и не собираются наступать, то значит они оставят на южном фланге столько войск, сколько будет нужно для удержания фронта (наступление потребовало бы гораздо большего количества войск). В-третьих, высвобождение максимума войск для ведения маневренных боев в случае, если германцы все-таки ударят через Бельгию.

И, наконец, в-главных, ведение обороны на Западе чрезвычайно облегчало подготовку наступления на Востоке. Русское сосредоточение существенно опаздывало по сравнению с противником, что давало немцам время на организацию и проведение сокрушительной операции против Франции. Приступить к движению в Германию русские армии могли примерно на 15—18-й день с момента объявления всеобщей мобилизации. Чем раньше русские переходили в наступление против немцев, тем большим был шанс на победу французов и срыв германского блицкрига.

Следовательно, союзное планирование предполагало, что русское вторжение на германскую территорию должно будет состояться, как только к государственной границе будут стянуты достаточные силы. При этом русские армии вторжения бросались бы вперед практически без тылов и запасов боеприпасов. Выходит, что такое наступление со стороны русских давало все преимущества их противникам – Германии и Австро-Венгрии. Понятно, что чем позже завязывались бы серьезные бои во Франции, тем больше времени русская сторона получала на отмотелизование своих тылов, без которых, как ни крути, воевать нельзя.

Между тем русская наступательная концепция вовсе не увязывалась с французской военной доктриной. Французы не собирались принять оборону на заблаговременно подготовленных рубежах, чтобы русские могли выиграть еще немного времени для подготовки своего вторжения в германские пределы. Генерал-квартирмейстер русского Генерального штаба впоследствии писал: «Все начальники французского Генерального Штаба, последовательно

сменявшие друг друга, предъявляли на совещаниях нашим представителям неизменное требование, сводившееся к принятию нами наступательного образа действий против Германии, притом осуществляемого возможно большими силами и, главное, в кратчайший срок... [Однако] несмотря на мою близкую прикосновенность к оперативным делам, мне не приходилось слышать, чтобы на совещаниях начальников Генеральных штабов союзных держав подвергался обсуждению вопрос о совместной разработке общего плана. Едва ли поэтому когда-либо ставился в совещаниях и вопрос о наилучшем способе встречи французскими вооруженными силами удара, подготовлявшегося против них Германией. По-видимому, этот последний вопрос считался не составной частью общего плана, каковым он должен был быть по существу, а исключительно делом нашего союзника»²⁸.

Дело в том, что за два года до начала войны французы резко поменяли свои планы с активно-оборонительных на ярко-наступательные, что никоим образом не соответствовало раскладу соотношения сил и средств с неприятелем. Характерно, что военно-политическое руководство держав Антанты превосходно сознавало, что если немцы не имеют больших шансов на победу в затяжной войне, то Антанта, напротив, будет только усиливаться с каждым годом борьбы. Потенциал любых ресурсов Центральных держав и держав Антанты был просто несопоставим. Германия не могла не планировать блицкриг – при существовавшем раскладе сил, средств и ресурсов «ничего другого ей просто не оставалось»²⁹

²⁸ Данилов Ю.Н. Россия в мировой войне 1914–1915 гг. Берлин, 1924. С. 78.

²⁹ Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). М., 2004. С. 35.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.